

ISSN 2225-6016

ВЕСТНИК

*Смоленской государственной
медицинской академии*

Том 18, №3

2019

ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ

УДК 618.2-07+396.6

«ПЛОДОИЗГНАНИЕ» КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ КОНТРОЛЯ РОЖДАЕМОСТИ У КРЕСТЬЯНОК XIX в.

© Мицюк Н.А.¹, Пушкарева Н.Л.²

¹Смоленский государственный медицинский университет, Россия, 219014, Смоленск, ул. Крупской, 28

²Институт этнологии и антропологии РАН, Россия, 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Резюме

Цель. Анализе традиционных способов контроля над рождаемостью, распространенных в народной среде в XIX в. в условиях законодательного запрета «плодоизгнаний».

Методика. В работе над заявленной темой, с одной стороны, были актуальны подходы и методы гендерной истории, направленные на проблематизацию женского опыта, женской повседневности в истории России, а с другой, – методы «кейс-стади», нацеленные на исследование конкретных случаев (судебные разбирательства). Актуальными для нас явились подходы социальной истории медицины и биополитики. Придерживаясь междисциплинарного подхода, использовались три вида различных источников: этнографические (данные этнографов XIX в. о повседневной жизни крестьянского населения), правовые (данные окружных судов XIX в., рассматривавшие дела по подозрению в «плодоизгнании») и медицинские (земская статистика).

Результаты. Практики «плодоизгнания» являются традиционными способами регулирования рождаемости. Отношение к ним зависело от развития государственных и социальных институтов. До XVII в. «плодоизгнание» не являлось преступлением. Оно порицалось религиозными и моральными нормами. С развитием абсолютистских тенденций, усилением государственных институтов демографический вопрос стал иметь особую значимость. Контроль над репродуктивным поведением населения перешел к государству. «Плодоизгнание» стало уголовно-наказуемым деянием. В XIX в. происходило закрепление в юридических документах особенностей наказуемости и привлечения к суду лиц, виновных в производстве аборт. В народной среде сформировались различные способы ограничения рождаемости. Основной канал передачи «особых знаний» – условная «женская сеть», которую составляли сельские повивальные бабки («бабушки»), представительницы народной медицины, более старшие женщины. Данные способы в XIX в. приобрели всеобщий характер, проникая в городскую среду через прислугу, нянь, кормилиц, сельских повитух. Распространение имели механические, химические средства (органические и неорганические), ритуальные действия, а также средства народной медицины. Привлечение средств народной медицины было связано с географическим фактором. Крестьянки использовали растения, произрастающие в их климатической зоне проживания. История уголовного преследования за совершенные «плодоизгнания» показывала неэффективность и сложность привлечения женщин к суду, а значит, и самого государственного контроля. Суровый уголовный закон на практике оказывался малоприменим. Судебные случаи показали ничтожность реальных уголовных приговоров по обвинению в искусственном прерывании беременности.

Заключение. Неэффективность уголовного преследования в условиях роста числа криминальных абортов требовала нового решения проблемы, что создавало благоприятные условия для придания ей статуса социально-медицинской и внедрения медицинского контроля над репродуктивным поведением населения.

Ключевые слова: история медицины, история абортов, история деторождения, «плодоизгнания», контроль рождаемости, история материнства

«PLODOIZGNANIE» IS THE MAIN METHOD OF BIRTH CONTROL IN PEASANT WOMEN OF THE XIX CENTURY

Mitsyuk N.A.¹, Pushkareva N.L.²

¹Smolensk State Medical University, 28, Krupskoj St., 214019, Smolensk, Russia

²Institute of Ethnology and anthropology of Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky prospect, 119991, Moscow, Russia

Abstract

Objective. The aim of the study was to analyze the traditional methods of birth control, widespread among the peasants in the XIX century under the legal prohibition of abortion.

Methods. The most relevant were the approaches of gender history, aimed at the study of women's experience, women's everyday life in the history of Russia, as well as the methods of "case study" aimed at the study of specific cases, and case study methods. Adhering to a multidisciplinary approach, we used three kinds of sources: ethnographic (data ethnographers of the XIX century about everyday life of the peasant population), legal (data from courts, cases of suspected abortion) and medical («zemskaj» statistics).

Results. Practices of «plodoizgnanie» are traditional methods of birth control. Attitude to them depended on the development of state and social institutions. «Plodoizgnanie» was not a crime until the seventeenth century. It was condemned by religious and moral norms. With the development of absolutism, strengthening of state institutions, the demographic issue has become of particular importance. Control over the reproductive behavior of the population passed to the state. "Plodoizgnanie" became a crime. In the nineteenth century the development of antiabortion legislation began. Among the peasants, different methods of birth control formed. The main channel of transmission of "special knowledge" – "women's network", which consisted of rural midwives ("babushki"), representatives of traditional medicine, older women. Mechanical, chemical (organic and inorganic), ritual, and traditional medicines were spread. Attraction of traditional medicine was associated with the geographical factor. Peasant women used plants that grew in their climatic zone of residence. The history of criminal prosecution for "plodoizgnanie" showed the inefficiency and the difficulty of attracting women to the court, and, therefore, the state control. The harsh criminal law proved to be inapplicable in practice. Court cases showed the nullity of real criminal convictions for artificial termination of pregnancy.

Conclusion. The ineffectiveness of criminal prosecution in the face of the growing number of criminal abortions required a new solution to the problem. This created favorable conditions for giving "plodoizgnanie" the status of a socio-medical problem to "fructifications" and the introduction of medical control over the reproductive behavior of the population.

Keywords: history of medicine, history of abortion, history of childbirth, "plodoizgnanie", birth control, history of motherhood

Введение

Абортивные практики – практики глубоко укорененные и традиционные, существовавшие искони, во все времена и во всех обществах. Даже в тексте клятвы Гиппократы упомянут «абортивный пессарий», который истинный врач не должен давать женщине [6]. До первого демографического перехода (раннее Новое время) и появления устойчивых представлений о контрацепции искусственное прерывание беременности было основным способом контроля над числом и временем рождений, путем предотвращения нежелательных беременностей, инструментом управления женским телом и его репродуктивной функцией, способом рационализации их сексуальности. Отношение к этим практикам веками было негативным во всех обществах и культурах и при этом тесно увязанным развитием религиозных, государственных и социальных институтов.

Цель представленной публикации состоит в анализе традиционных способов контроля над рождаемостью, распространенных в народной среде в XIX в. в условиях законодательного запрета «плодоизгнаний».

Актуальность изучения истории абортивных практик обусловлена как всей предшествующей истории (Советская Россия явилась первой в мире страной, легализовавшей аборт постановлением народного комиссариата юстиции «Об искусственном прерывании беременности» 18 ноября 1920 г.), так и современной демографической ситуацией. Несмотря на реализацию социальной политики в области охраны материнства и детства, внедрению новых принципов планирования семьи, мер, направленных на повышение рождаемости – наша страна продолжает лидировать по количеству абортов (Historical abortion statistics, Russia // <http://www.johnstonsarchive.net/policy/abortion/ab-russia.html>).

Методика

История абортов России – междисциплинарная тема, привлекающее внимание социальных историков, демографов, этнологов, правоведов [1, 3, 4, 11, 19-21, 26, 32], реже историков

медицины. Нам важно было вписать данную страницу в историко-медицинский дискурс. Придерживаясь междисциплинарного подхода, мы опираемся на три вида различных источников: этнографические (данные этнографов XIX в. о повседневной жизни крестьянского населения), правовые (данные окружных судов XIX в., рассматривавшие дела по подозрению в «плодоизгнании») и медицинские. Именно представители медицинского сообщества (преимущественно земские врачи) стали фиксировать способы традиционного регулирования рождаемости среди крестьянского населения, впервые начали собирать статистические данные, свидетельствующие о росте числа плодоизгнаний в обществе, отмечая девиацию в традиционном репродуктивном поведении.

В работе над заявленной темой, с одной стороны, были актуальны подходы и методы гендерной истории, направленные на проблематизацию женского опыта, женской повседневности в истории России, а с другой, – методы «кейс-стади», нацеленные на исследование конкретных случаев (судебные разбирательства). Актуальными для нас явились подходы социальной истории медицины и биополитики (М. Фуко, П. Конрад, И. Иллич) [18]. Согласно последнему, возрастающий контроль медицины над телом человека связан прежде всего с развитием государственных институтов и обществ буржуазного типа [30]. Медицинский контроль рассматривался ими в качестве важнейшего средства регуляции поведения индивида, которое усиленно начинает использоваться с развитием государственных институтов в условиях неэффективности правового контроля.

Результаты исследования

Традиционные практики абортирования. Искусственное прерывание беременности относилось не только к частной сфере, но и к публичной сфере, так как сама практика являлась девиацией традиционного матриониального поведения, подрывая устои социальных норм, а в дальнейшем наносила урон государственным интересам. До начала Нового времени (XVII в.) «плодоизгнание» в России не являлось преступлением с законодательной точки зрения. Оно порицалось религиозными и моральными нормами. Традиционная мораль, основанная в том числе на религиозных верованиях, причисляла «плодоизгнание» к тяжкому греху. С позиции христианского вероучения человек считался самостоятельным существом с момента зачатия. Дети рассматривались, как «благословение божье». Женщин совершавших «плодоизгнание» и людей помогавшим им называли «душегубцами». По мнению этнографов такое отношение к абортам в крестьянской традиции сложилось под влиянием христианского представления о зарождении и сущности человека: «С точки зрения верующего самое главное в человеке – то, что является неперемным условием его жизни и делает человека созданием «по образу и подобию Божьему» – это его бессмертная душа, точнее, в земной жизни душа, заключенная в тело. И поэтому любой безнравственный поступок, тем более преступление рассматривались как «пагубление» души – и своей, и чужой. Убийство вследствие этого расценивалось как насильственное отлучение чужой души от тела, лишение ее возможности принять перед смертью христианское напутствие и тем самым погубление своей души» [13]. Представления крестьян в различных регионах России о том, когда именно появлялась душа у плода различались. Встречались рассуждения о том, что душа зарождается с момента шевеления плода (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 240. Л. 207; Д. 65. Л. 5 об). Другие полагали, что с момента зачатия плод уже наделен душой (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 433а. Л.130). В любом случае считалось, что «вытравление» плода – это лишение жизни существа, наделенного душой. Женщину, «сгубившую» дитя «при муже» (то есть замужнюю) предлагалось постричь в монахини: плодоизгнание через отвары трав приравнивалось к убийству, за него накладывалась многолетняя (от 5 до 15 лет) епитимья (запрет употреблять мясную пищу, поклоны, покаяние).

В крестьянской среде традиционно регулирование репродуктивного поведения женщины осуществляла община, о чем свидетельствуют даже поздние этнографические материалы. Н.А. Миненко, изучавший жизнь крестьян Сибири, указывал, что община устанавливала своеобразный контроль над поведением беременной женщины, дабы она не «вытравила» плод. Это было вызвано не столько религиозно-нравственными мотивами, сколько прагматической реальностью – заботой о сохранении и увеличении численности крестьянской общины: «Дети считались достоянием всей общины, и крестьянский мир делал все возможное для их сохранения, в данной ситуации прибегали к прямому надзору за забеременевшей девушкой» [17].

С XVII в. «плодоизгнание» стало рассматриваться в качестве уголовно-наказуемого деяния (см. ниже). Несмотря на это, данный способ ограничения рождаемости был широко распространён и сохранял устойчивость вплоть до начала XX в. В крестьянской среде сформировались традиционные практики избавления от нежелательной беременности и рождения новых детей, среди которых инфантицид и плодоизгнание.

В отношении искусственного прерывания беременности в XIX в. в употреблении были различные термины. В народной традиции использовались в основном понятия глагольного типа, означавшие произведение действия над собой: «выкинуть», «пустить кровь», осуществить «душегубство», «вытравить плод», «извести плод во чреве» [21-24, 28]. С развитием законодательных норм, регулировавших данный процесс, утвердились юридические термины – «плодоизгнание», «преступный выкидыш», «намеренный выкидыш», которые отражали виновность деяния. Термин «аборт» утвердилось только в начале XX в. благодаря медицинскому дискурсу (*abortus*) (лат.), что означало «преждевременные роды», «выкидыш»). Искусственное прерывание беременности стало квалифицироваться прежде всего как медицинская операция.

Традиционные способы абортирования имели всесловный характер. В ситуации официального запрета и общественного осуждения тех, кто производил плодоизгнание, табуированности темы, в народной среде «особые знания» передавались через условную «женскую сеть». «Каналами» передачи нередко выступали повивальные бабки (как необразованные, так и получившие специальное образование), старшие, а значит, более опытные женщины делились знаниями с менее сведущими в этом вопросе. К абортированию прибегали преимущественно незамужние девушки, прислуга, вдовы, солдатки, жены офицеров, забеременевшие в отсутствии своих мужей. Распространение имели механические, химические средства (органические и неорганические), ритуальные действия, а также средства народной медицины. Данные способы производства искусственного выкидыша использовались не только среди крестьянок, они были распространены и среди горожанок. В высшие классы, в городскую среду эти знания проникали через прислугу, крестьянок, приезжавших на заработки в город, через частнопрактикующих врачей, аптекарей, которые также использовали в своей практике методы народной медицины. Городские врачи, осуществлявшие регулярные медицинские осмотры проституток, могли получать от них сведения об используемых способах плодоизгнания и контрацепции.

Среди крестьянок были распространены механические способы избавления от беременности. Врачи, изучавшие случаи плодоизгнаний в медицинской и судебной практике, указывали, что этот тип абортирования встречался в 1,7 раз чаще [12]. Механические практики плодоизгнания применялись и среди горожанок. Об их присутствии свидетельствовали как земские, так и городские врачи, к которым обращались женщины, нуждавшиеся в помощи. Кроме этого случаи механического плодоизгнания фиксировали врачи, проводившие судебно-медицинскую экспертизу и устанавливавшие причину смерти женщин при вскрытии.

Для того, чтобы «вытравить», «выжить», «выкинуть» плод, женщины туго перетягивали живот полотенцами, тряпками, холстами, веревками, поперечниками от конской сбруи. Совершались различные механические действия, призванные умерщвить плод. Зачастую «давили нутро», «мяли» живот, помещали на него тяжелые предметы, ударяли себя кулаками, различными предметами, «упирались» на тупой конец кола и проч. Женщины прыгали с высоты – крыши домов, сеновала, чердака, лестницы [24, 28].

Распространенным средством абортирования было введение в полость матки различных предметов (такowymi могли быть шпильки, спицы, веретено, перья, палочки), основное назначение которых – проколоть плодный пузырь и вызвать самопроизвольный выход плода [12, 25, 33]. Практиковалось также введение в полость матки специальных жидкостей, среди которых наибольшее распространение имели растворы спорыньи, пороха, ртути, глауберовой соли, буры [12]. Доказательства произведенных манипуляций находили врачи в том случае, если женщины умирали. Результаты судебно-медицинской экспертизы, как правило, показывали содержание «во внутренностях» фосфора, спорыньи, шафрана.

Народная медицина приходила на помощь женщине как при неспособности забеременеть, так и для избавления ее от нежелательной беременности. Использовались различные химические соединения и средства, действие которых было опасно не только для плода, но и для жизни матери, ввиду высокого содержания ядов. Женщины замешивали в воде и пили различные вещества, чаще доступные в хозяйстве; в ранние века – отвар луковых перьев, настой корицы в вине, белену, чернобыл, настой можжевельника на водке [2]; в XIX в. в ход шли порох, селитра [9], керосин, ртуть, мышьяк, фосфорные спички, толченый сургуч, сера. Употребляли толченое стекло (разводили в молоке, стараясь вызвать желудочное кровотечение, а с ним и выкидыш), песок, получаемый от точения железных и стальных инструментов [24]. Подробности использования всех этих «народных» методов абортирования были собраны в середине XIX в. информаторами Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева и прокомментированы врачами и юристами.

В народной медицине для «вытравления плода» использовались растения, произрастающие в природно-климатической зоне проживания населения (таблица 1). Сведения об употреблении этих

растений становились известны исследователям крестьянского быта, а также врачам, проявлявшим интерес к народной медицине.

Таблица 1. Применяемые средства народной медицины в различных регионах и среди отдельных народов Российской империи

Регион, народ	Наиболее распространенные средства абортирования
Сибирь	Свинцовые белила
Губернии Центральной России	Спорынья, ртуть, сулема, настой на фосфорных спичках, порох, селитра, керосин, киноварь, мышьяк
Киевская губернии	Настойка пиона
Татарки	Сулема, сок чистотела, настой баранца, янтарь и янтарная вода, трилистник
Малороссия	Белый переступень, казачий можжевельник
Якуты	Настой багульника
Астраханская губерния	Крепкий водочный настой алоэ, шафрана, янтарное масло, водный настой ромашки
Лифляндские губернии	Волчье лыко, бура, сулема, янтарное масло
Витебская губерния	Спорынья, йодистый калий, фосфор, хинин, азотная кислота, чемерица, мышьяк, стрихнин

Для «вытравления» плода в народной медицине применяли средства, которые также имели особое символическое значение. В широком распространении для прерывания беременности среди женщин Центральной России была спорынья (род грибов), которую в простонародье нередко называли «черные рожки». Впервые врачи обратили внимание на частое использование спорыньи среди женщин Малороссии с целью плодоизгнания в конце XVIII в. [29]. Само название носило эвфемистический характер. В дословном переводе обозначая «плодородие», «изобилие», спорынья уничтожала зерновые культуры, прежде всего рожь, фактически выступая паразитом. Крестьянки делали настои из спорыньи, выпивая стакан настоя натошак. В ряде регионов Центральной России для этой цели использовался чистотел [9]. В народной медицине чистотел часто употреблялся для борьбы с бородавками, в связи с этим другое (народное) название этого растения – «бородавочник». Можно предположить, что его способности уничтожить инородное образование на теле (бородавку) приписывали особую силу в ликвидации нежелательной беременности (плода). Применялся также папоротник, который, очевидно выступал символом бесплодия, так как он не цветет и не приносит плодов.

Несмотря на уголовное преследование, нравственное и религиозное осуждение, дореволюционные этнографы отмечали неоднозначное отношение к плодоизгнанию. Многие крестьяне оправдывали практику прерывания беременности, тем самым легитимизируя ее [21]. Это касалось случаев внебрачной беременности, семей, страдавших нуждой, женщин, работавших по найму в городе, занимавшихся отходничеством.

По сообщениям этнографов конца XIX в., крестьяне оценивали распространившиеся случаи плодоизгнания, как «распуту» молодежи. Совершение «выкидыша» относилось к более тяжкому греху, чем, к примеру, внебрачное рождение: «Их обегают замужеством и гораздо больше шансов выйти замуж имеет девка, явно родившая, чем та, о которой известно, что она произвела выкидыш» [24]. В ряде регионах корреспонденты этнографических бюро фиксировали сравнительно терпимое отношение к плодоизгнанию [3, 4]. Народная мораль зачастую с некоторым пониманием относилась к незамужним девушкам, желавшим скрыть внебрачную беременность, в большей степени осуждая тех, кто вызывался ей помочь «вытравить» ребенка. Часто их считали самыми «последними», подлыми людьми, даже убийство которых могло не расцениваться как грех [24].

Устойчивость практик «плодоизгнания» объяснялась неэффективностью уголовного законодательства, что доказывает анализ судебных случаев, связанных с привлечением женщин по обвинению в производстве «незаконного» аборта.

Неэффективность законодательного запрета абортов. С развитием государственных институтов, обществ буржуазного типа, по мнению М. Фуко, усиливался властный контроль над телом человека [31]. Наметившиеся абсолютистские тенденции, имперская политика, основанная на завоевании и присоединении новых территорий также оказывали существенное влияние на регулирование репродуктивного поведения граждан. Деторождение становилось сферой государственных интересов, так как его рост положительно сказывался на демографии и означал

увеличение числа налогоплательщиков и потенциальных рекрутов. С разрушением феодальных связей, формированием сильной политической власти, централизацией, развитием капитализма в законодательствах европейских государств закреплялся запрет на аборт и соответственно, уголовное преследование за их совершение. Государство начинало осуществлять контроль над репродуктивным поведением населения, рассматривая потенциального ребенка с позиции собственных демографических интересов. Так зарождалась новая «политика аборт» [36], контролируемая государством через властные институты.

В России зарождение этой новой «абортной политики» [36] – политики, контролируемой государством через множество структур, но направленной на безоговорочный контроль за репродуктивным поведением женщин, относится к периоду, когда «старина с новизной перемешались», то есть к предпетровскому времени. С утверждением в 1613 г. новой царской династии, развитием абсолютистских тенденций, территориальным разрастанием страны на Восток численность населения Российского государства стала вопросом особой важности. Запрет на «плодоизгнание» стал рассматриваться в качестве одного из способов преумножения населения. «Вытравление» плода оказалось приравнено к особо тяжкому преступлению и могло иметь самые строгие последствия, вплоть до лишения жизни женщины. Социальный контроль за ее репродуктивным поведением перешел от церкви к государству. «Исторически наказуемость аборта выросла на религиозной почве» [34], полагали дореволюционные правоведы, но по факту наказание за него стало уголовным не ранее введения в действие Соборного уложения 1649 г. Именно этот нормативный акт ввел смертную казнь за прерывание беременности. В то же время статья закона (глава XII, ст. 26) предполагала данное наказание женщинам, зачавшим исключительно в «блуде», о женщинах, решившихся избавиться от беременности в браке закон ничего не говорил: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а същется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» (Соборное уложение 1649 г. (<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/22.htm>)).

Смертная казнь за «плодоизгнание» была отменена Петром I в 1715 г. Этому можно найти различные объяснения. С одной стороны, это политика вестернизации России, смягчения нравов в быту. С другой стороны, в связи с многочисленными войнами, гибелью населения, и прежде всего мужчин, проблема внебрачных детей становилась особенно актуальной. Вероятно, законодатель вынужден был закрывать глаза за возросшие случаи детоубийства и избавления от нежелательных беременностей.

В XVIII в. впервые на государственную значимость проблемы «плодоизгнания» в России обратил М.В. Ломоносов в трактате «О размножении и сохранении российского народа». Его основным аргументом в пользу борьбы с детской смертностью и «плодоизгнанием» был интерес государства, так как именно в росте населения, по мнению ученого, «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [16]. Он призывал государство заботиться о «плодородии родящих», что положительно скажется на благосостоянии государства.

В XIX в. с развитием государственных институтов и законодательства «плодоизгнание» стало квалифицироваться в качестве преступления против личности. Впервые в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (все редакции – 1845, 1866, 1885, 1903 гг.) появилось подробные определения того, кого привлекать к ответственности, а также меры смягчения и ужесточения наказания [10]. Государство действовало в рамках демографических интересов. Деторождение относилось к женской обязанности, которую в какой-то мере рассматривали, как вариант ее «воинской повинности» [14]. С ростом числа «преступных выкидышей» в начале XX в. врачи напрямую увязывали деторождение с проблемой комплектования армии: «Тревога по поводу нарастающей частоты преступного выкидыша особенно обострилась за последнее время между прочим и потому, что на уменьшение деторождения стали смотреть, как на обстоятельство, обуславливающее ослабление военной мощи государства» [15]. Некоторая либерализация закона была предусмотрена редакцией Уложения от 1903 г. В статьях отменялось наказание в виде ссылки в Сибирь на поселение или каторжные работы.

Закон был суров к женщинам, производившим аборт, и лицам, помогавшим им в этом. Женщина, уличенная в совершении «плодоизгнания» лишалась всех званий и состояний и ссылалась в Сибирь на поселение (ст. 1462 Уложения 1888 г.) или получала тюремный срок до 6 лет. Соучастниками преступления рассматривались лица, помогавшие произвести «плодоизгнание». При этом наличие у производящего аборт лица специального медицинского образования (будь то врач или образованная повивальная бабка) повышало степень ответственности. С развитием научного акушерства в руках квалифицированных врачей становилось все больше средств,

позволявших произвести аборт. Осознавая этот факт, законодатель накладывал особую ответственность на профессионалов. Они могли быть лишены всех званий и состояний и сосланы на каторжные работы до 8 лет (ст. 1461). Даже в научном дискурсе для обозначения тех, кто производил «преступный выкидыш» употреблялись негативные в смысловом выражении словосочетания («гиены материнского чрева», «специалисты-плодоизгнатели») [14].

В то же время статьи закона, их неопределенность, сложность квалификации действий женщины и медицинского персонала, давали широкие возможности избежать наказания, делая существовавший суровый закон формальным. Аборт мог быть представлен в виде выкидыша, мертворождения, несчастного случая. Женщина могла утверждать, что она находилась в неведении и следовала рекомендациям повивальной бабки или врача, что избавляло ее от наказания (с. 1461). Кроме этого закон содержал положения, которые позволяли женщине значительно облегчить наказание. В частности, если обвиняемая заявляла, что ребенок родился мертвым и она в страхе «скрыла его тело», то максимальный срок наказания – 8 месяцев тюремного заключения (ст. 1460).

Формальность и слабое практическое применение антиабортного законодательства доказывают реальные судебные случаи. Анализ судебных случаев показывает, что крайне малое число женщин получали реальные сроки по обвинению в «плодоизгнании». Это было связано с тем, что доказать произведенный аборт было чрезвычайно сложно. Юрист М.Н. Гернет, исследовавший проблему детоубийства в России в конце XIX в., приводит статистические данные приговоров окружных судов, которые показывают, что до суда было доведено ничтожное количество дел в отношении совершивших «плодоизгнание» и инфантицид [5].

Женщины, обвиненные в совершении плодоизгнания и умерщвлении новорожденных, как правило, настаивали на том, что находились в неведении, в «беспамятстве», что припоминают происходившее, как «в тумане». Все привлеченные по данным статьям описывали свое бедственное положение, обман со стороны мужчин, зачастую настаивая на том, что ребенок родился мертвым [12]. Подобные формулировки при отсутствии доказательств вины не позволяли в дальнейшем поддерживать линию обвинения. Медикализация деторождения приводила к тому, что врачи, при заинтересованности одной из сторон, могли привлекать всё больше доводов, способных научно оправдать обвиняемую. В частности, в учебниках по акушерству и судебной медицине конца XIX в. авторы описывали состояния «обморока роженица», при котором она могла не контролировать своих действий [8, 12]. Женщины, часто ссылавшиеся на своё «беспамятство», в данных случаях получали научно-доказанное оправдание.

Суммируя все обстоятельства суды присяжных зачастую оправдывали обвиняемых или привлекали их к аресту на несколько дней, реже месяцев [5]. Суд становился на сторону женщин, в какой-то степени оправдывая совершенные ими деяния под давлением сложных обстоятельств. Фактически происходила легитимизация абортных практик присяжными заседателями в условиях нелегальности самой практики. Эту тенденцию улавливали современники, подчеркивая, что «...воровство, обман, клевета вызывают в окружающих отвращение, женщина, виновная в плодоизгнании не лишается уважения» [22]. Присяжные заседатели руководствовались не столько законом, сколько учитывали комплекс мотивов, побудивших женщину прервать беременность. На практике зарождалась квалификация действий, связанных с практиками абортирования, в то время, как закон не предусматривал такой возможности. Это касалось как «плодоизгнаний», так и детоубийства. Частично исследуя результаты Московского, Рязанского, Владимирского окружных судов за 1903, 1908 гг. (табл. 2), М.Н. Гернет приводит разбор 47 случаев обвинений в детоубийстве с вынесенным приговором. Анализ этих случаев показывает, что 55% женщин были оправданы, 15% – арестованы на срок до 7 дней, 17% – на срок до трех недель. К тюремному заключению на срок до 3 лет были приговорены только 6% женщин.

Таблица 2. Решение окружных судов в отношении женщин, заподозренных в совершении умерщвления новорожденного (данные Московского, Рязанского, Владимирского окружных судов за 1903, 1908 гг.).

Мера наказания	Количество дел	%
Оправданы	26	55
Арест на 3 дня	5	11
Арест на 7 дней	2	4
Арест на 3 недели	8	17
Заключение на 1 год	3	6
Заключение на 3 года	3	6

Статистические данные по Витебской губернии, приведенные в исследовании В. Линденберга, подтверждают положение о ничтожном числе разбирательств по вопросу о «плодоизгнании». Из 573 дел по детоубийству и «плодоизгнанию», рассматриваемых в окружных судах Витебской губернии за 1897-1906 гг., только 6 случаев (1,04%) приходилось на аборт [12]. Процент осужденных по обвинению в детоубийстве был крайне низок. Наиболее распространенная форма наказания – арест на несколько недель. Ни одно обвинение в «плодоизгнании» за 10 лет, по данным Линденберга, не было доведено до суда. Схожая ситуация наблюдалась в делах по детоубийству (табл. 3).

Таблица 3. Число детоубийств и результаты судебных разбирательств в Витебской губернии за 1897-1906 гг.

Дела	Количество	%
Всего дел по обвинению	567	100
Прекращены прокурором	339	59,8
Виновные не обнаружены	227	66,9
Отсутствие доказательств	103	30,3
По высочайшему повелению	9	2,6
Доведены до суда	228	40,2
Тюремное заключение на 4 года	1	0,4
Оправданы	27	11,8
Ссылка	1	0,4
Арест 7 месяцев	1	0,4
Арест 1-3 месяца	27	11,8
Арест 1-3 недели	163	71,5
Арест 5 дней	5	2,2

Доктором медицины А.В. Грегори, изучавшим случаи обвинения в плодоизгнании в Варшавской губернии за 1885-1904 гг., был сделан схожий с его коллегами вывод о малочисленности судебных разбирательств. За 20 лет было возбуждено 47 дел, из которых 36 были прекращены прокурорским надзором. Из 11 дел, дошедших до суда, только в 3-х случаях был вынесен обвинительный приговор [7]. Обвинения в совершении абортов или детоубийств, по свидетельствам Грегори, нередко получали квалификацию тяжелых последствий «самопомощи» (ситуаций, когда женщина рожала самостоятельно без привлечения кого-нибудь в помощники). Женщины ссылались на трудный роды, на самостоятельные попытки «вытащить» ребенка из положения стоя обеими руками, говорили о выпадении ребенка из положения стоя, вследствие чего он получал травму и погибал [12].

Несмотря на суровость уголовного закона, случаи «плодоизгнаний» к концу XIX в. существенно возросли. Доказательством тому явилась медицинская статистика. Врачи стали фиксировать тенденцию существенного роста числа «выкидышей» среди крестьянок. В начале XX в. врачи признавались, что «3/4 от всех современных выкидышей искусственны и незаконны» [35]. Известный акушер-гинеколог, активный деятель Попечительства об охране материнства А.А. Рейдлик констатировал, что за 65 лет в России число выкидышей возросло в 49 раз [27]. Отчеты повивальных бабок, находившихся на службе при городских больницах и выезжавших к женщинам домой, также содержат информацию о возросшей тенденции выкидышей. Если в отчетах 1820-30-х гг., в условиях зарождавшегося профессионального акушерства в России, повивальные бабки практически не фиксировали случаи мертворождений, то в начале XX в. выкидыши и мертворождения стали часто встречаться в их отчетах [19]. К примеру, повивальная бабка Смирнова в отведенном ей участке в Санкт-Петербурге с августа по ноябрь 1901 г. зафиксировала 31 случай вызова к беременным, из которых 8 были выкидыши, что составляло четверть всех вызовов (ЦГИА СПб. Ф. 255. Оп. 4. Д. 3. Л. 1-3).

Тенденцию к росту мертворождений можно проследить по судебно-медицинской статистике. Врач В. Линденберг изучал все случаи детоубийства и плодоизгнания по Витебской губернии (по судебным делам) за 1897-1906 гг. (табл. 3). Приводимые им данные показывают, что количество зафиксированных в судебных документах плодоизгнаний было крайне низким, в то время, как число мертворождений и недоношенных значительным.

Таким образом, в случае возникновения осложнений после произведенных в домашних условиях плодоизгнаний женщины поступали в родильные отделения, где им чаще всего в медицинских картах записывали диагноз «мертворождение» или «преждевременный выкидыш». Необходимо добавить, что медицинская статистика – вершина айсберга. Случаи мертворождений за пределами

медицинских учреждений и при отсутствии подозрений в детоубийстве, никак не регистрировались. Это происходило главным образом от того, что отсутствовали законодательные акты, обязывавшие врачей фиксировать случаи мертворождений.

Таблица 4. Судебные дела Витебской губернии за 1897-1906 гг., связанные с детоубийством и плодоизгнанием

Рассматриваемое в суде дело	Число случаев	%
Детоубийства и плодоизгнания	573	100
Плодоизгнание	6	1,04
Детоубийство	567	98,95
Мертворождения	66	11,51
Недоношенные	46	8,02
Причина смерти не определена	135	23,56
Умершие вне ответственности матери	92	16,05
Несостоятельных по обвинению	135	23,56

Заключение

Практики «плодоизгнания» в условиях отсутствия научных (медицинских) способов регулирования рождаемости относятся к традиционным средствам ограничения рождаемости. Данный способ, несмотря на резко отрицательное отношение социальных норм, имел повсеместную распространенность и устойчивость. Отношение к абортам зависело от развития государственных и социальных институтов. Одна из первых попыток контроля репродуктивного поведения населения состояла в введении уголовного наказания за «плодоизгнание». На пути легализации абортов (1920 г.) и приданию проблеме статуса социально-медицинской можно выделить два основных этапа: религиозно-нравственное осуждение «плодоизгнаний», а с XVII в. введение уголовного преследования за подобные деяния. В XIX в. происходило закрепление в юридических документах особенностей наказуемости и привлечения к суду лиц, виновных в производстве абортов. Совершение «плодоизгнания» относилось к преступлению, совершенному против жизни человека. В то же время законодательный контроль над репродуктивным поведением населения выражал прежде всего демографический интерес государства. С развитием государственных институтов, оформлением абсолютистских тенденций контроль над телом человека также увеличивался.

В народной среде сформировались различные способы ограничения рождаемости. Основной канал передачи «особых знаний» – условная «женская сеть», которую составляли сельские повивальные бабки («бабушки»), представительницы народной медицины, более старшие женщины. Данные способы в XIX в. приобрели всесловный характер, проникая в городскую среду через прислугу, нянь, кормилиц, сельских повитух [20]. Распространение имели механические, химические средства (органические и неорганические), ритуальные действия, а также средства народной медицины. Привлечение средств народной медицины было связано с географическим фактором. Крестьянки использовали растения, произрастающие в их климатической зоне проживания. Кроме средств народной медицины применялись различные химические соединения.

История уголовного преследования за совершенные «плодоизгнания» показывала неэффективность и сложность привлечения женщин к суду, а значит, и самого государственного контроля. Суровый уголовный закон на практике оказывался малоприменим. Судебные случаи показали ничтожность реальных уголовных приговоров по обвинению в искусственном прерывании беременности. Это было связано как со сложностью доказательства произведенного аборта, так и фактической легитимацией плодоизгнаний судами присяжных. Подобная ситуация требовала нового решения проблемы, что создавало благоприятные условия для придания ей статуса социально-медицинской и внедрения медицинского контроля.

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-3743.2018.6 «Формирование и развитие института материнства и младенчества в истории России XVII-XX вв.».

Литература (references)

1. Бабичев А.Г. Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №4. – Право. – С. 99-105 [Babichev A.G. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2015. – N4. – Pravo. – P. 99-105. (in Russian)]
2. Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. – 1890. – Вып. 3. – С. 90–114 [Balov A. *Rozhdenie i vospitanie detej v Poshehonskom uезде Jaroslavskoj gubernii*. *Jetnograficheskoe obozrenie*. Ethnographic review. – 1890. – V.3. – P. 90-114. (in Russian)]
3. Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX в. – Тамбов: ТГТУ, 2015. – 192 с. [Bezgin V.B. «*Na miru*» i v *sem'e: russkaja krest'janka konca XIX – nachala XX v.* "On the world" and in the family: Russian peasant late XIX-early XX century. – Tambov: TGTU, 2015. – 192 p. (in Russian)]
4. Безгин В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880-1920 гг.) // Право и политика. – 2010. – №5. – С. 972-977. [Bezgin V.B. *Pravo i politika*. Law and Politics– 2010. – N5. – P. 972-977. (in Russian)]
5. Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. – М.: Тип. Московского университета, 1911. – 318 с. [Gernet M.N. *Detoubijstvo. Sociologicheskoe i sravnitel'no-juridicheskoe issledovanie*. Infanticide. Sociological and comparative legal research. – Moscow: Tip. Moskovskogo universiteta, 1911. – 318 p. (in Russian)]
6. Гиппократ. Избранные книги. – М.: Биомедгиз, 1936. – 543 с. [Gippokrat. *Izbrannye knigi*. Selected books. – Moscow: Biomedgiz, 1936. – 543 p. (in Russian)]
7. Грегори А.В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885-1904 гг.): Дис. ... докт. медицины. – Варшава, 1908. – 154 с. [Gregori A.V. *Materialy k voprosu o detoubijstve i plodoizgnanii (po dannym Varshavskogo okruzhnogo suda za 20 let, 1885-1904 gg.)*. (doctoral dis.). Materials on infanticide and fecundity (according to the Warsaw district court for 20 years, 1885-1904). – Varshava. – 1908. – 154 p. (in Russian)]
8. Грешищев Н.Е. К вопросу о самопомощи рожениц в судебно-медицинском отношении. – СПб.: Тип. МВД, – 1897. – 34 с. [Greshishhev N.E. *K voprosu o samopomoshhi rozhenic v sudebno-medicinskom otnošenii*. To the question about self-care of pregnant women in the forensic respect. – Saint-Petersburg: Tip. MVD, 1897. – 34 p. (in Russian)]
9. Жук В. Легенды и поверья русской народной медицины // Акушерка. – 1902. – №2. – С. 101-113. [Zhuk V. *Akusherka*. Midwife – 1902. – N2. – P. 101-113. (in Russian)]
10. Канторович Я.А. Законы о женщинах. – СПб.: Изд. Канторовича, 1899. – 272 с. [Kantorovich Ja.A. *Zakony o zhenshhinah*. Laws about women. – S-Petersburg: Izd. Kantorovicha, 1899. – 272 p. (in Russian)]
11. Лебина Н.Б. Абортмахеры в подполье: аборт в дореволюционной России и СССР: история, нравственные аспекты проблемы // Родина. – 1999. – №1. – С. 47-51. [Lebina N.B. *Rodina*. Homeland. – 1999. – N1. – P. 47-51. (in Russian)]
12. Линденберг В. Детоубийство и плодоизгнание в Витебской губернии. – Юрьев: Тип. Маттисена, 1910. – 84 с. [Lindenberg V. *Detoubijstvo i plodoizgnanie v Vitebskoj gubernii*. Infanticide and podozvanije in Vitebsk province. – Jur'ev: Tip. Mattisena, 1910. – 84 p. (in Russian)]
13. Листова Т.Г. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские / В.А. Тишков, Ю.Б. Симченко. – М.: Наука, 1999. – С. 685-700 [Listova T.G. *Narodnaja religioznaja koncepcija zarozhdenija i nachala zhizni*. Folk religious concept of the origin and beginning of life. – Moscow: Nauka, 1999. – P. 685-700. (in Russian)]
14. Личкус Л.Г. Выкидыш с судебно-медицинской точки зрения // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16-19 декабря 1911 г. в С-Петербурге). Вып. I. / ред. А. Редлиха. – СПб.: тип.: Орбита, 1912. – С. 17-53 [Lichkus L.G. *Trudy IV sezda obshhestva rossijskih akusherov i ginekologov (16-19 dekabrja 1911 g. v S-Peterburge)* / Pod red. A. Redliha. Proceedings of the IV Congress of the society of Russian obstetricians and gynecologists / Ed. A. Redliha. V.1. – S-Petersburg: tip. Orbita, 1912. – P. 17-53. (in Russian)]
15. Личкус Л.Г. Искусственный преступный выкидыш // XII Пироговский Съезд. – Вып. II. – СПб.: Слово, 1913. – С. 84-86. [Lichkus L.G. *XII Pirogovskij Sezd*. XII Pirogovsky Congress. V.2. – S-Petersburg: Slovo, 1913. – P. 84-86. (in Russian)]
16. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М.-Л.: АН СССР, 1950-1983. – Т.6. – 327 с. [Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenij*. Complete works. – Moscow-Leningrad: AN USSR 1950-1983. – V.6. – 327 p. (in Russian)]
17. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII - первой половины XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с. [Minenko N.A. *Russkaja krest'janskaja sem'ja v Zapadnoj Sibiri (XVIII - pervoj poloviny XIX v.)*. Russian peasant family in Western Siberia (XVIII – first half of XIX century). – Novosibirsk: Nauka, 1979. – 350 p. (in Russian)]

18. Михель Д.В. Медикализация общества: теория, история, микрополитика // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т.7. – №4. – С. 293-294. [Mihel' D.V. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. Journal of social policy research. – 2009. – V.7. – N4. – P. 293-294. (in Russian)]
19. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII-сер.XIX в.) // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2018. – Т.17. – №1. – С. 179-189. [Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L. *Vestnik Smolenskoj Gosudarstvennoj Medicinskoj Akademii*. Bulletin of the Smolensk state medical Academy. – 2018. – V.17. – N1. – P. 179-189. (in Russian)]
20. Мицюк Н.А. Отказ от материнства как жизненная программа. Об умонастроениях женщин в России на рубеже XIX-XX веков // Человек. – 2015. – №2. – С. 77-96. [Mitsyuk N.A. *Chelovek*. Man. – 2015. – N2. – P. 77-96 (in Russian)]
21. Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX- 30-е гг. XX в.) // Этнографическое обозрение. – 2012. – №3. – С. 147-160. [Muhina Z.Z. *Jetnograficheskoe obozrenie*. Ethnographic review. – 2012. – N3. – P. 147-160. (in Russian)]
22. Окинцциц Л. Как бороться с преступным выкидышем // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16-19 декабря 1911 г. в С-Петербурге). Вып. I. / ред. А. Редлиха. – СПб.: тип.: Орбита, 1912. – С. 58. [Okincchic L. *Trudy IV sezda obshhestva rossijskih akusherov i ginekologov (16-19 dekabrja 1911 g. v S-Peterburge)* / Pod red. A. Redliha. Proceedings of the IV Congress of the society of Russian obstetricians and gynecologists / Ed. A. Redliha. V.1. – S-Petersburg: tip. Orbita, 1912. – P. 58. (in Russian)]
23. Пирожкова О.П. К вопросу о выкидыше // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16-19 декабря 1911 г. в С-Петербурге). Вып. I. / ред. А. Редлиха. СПб.: тип.: Орбита, 1912. – С. 104. [Pirozkova O.P. *Trudy IV sezda obshhestva rossijskih akusherov i ginekologov (16-19 dekabrja 1911 g. v S-Peterburge)* / Pod red. A. Redliha. Proceedings of the IV Congress of the society of Russian obstetricians and gynecologists / Ed. A. Redliha. V.1. – S-Petersburg: tip. Orbita, 1912. – P. 54. (in Russian)]
24. Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. – СПб.: Тип. Суворина, 1903. – 404 с. [Popov G. *Russkaja narodno-bytovaja medicina. Po materialam jetnograficheskogo bjuro knjazja V.N. Tenisheva*. Russian national domestic medicine. According to the ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev – S-Petersburg: Tip. Suvorina, 1903. – 404 p. (in Russian)]
25. Попов Д.Д. К вопросу об инородных телах в полости матки // Журнал акушерства и женских болезней. – 1889. – Т. III. – С. 562. [Popov D.D. *Zhurnal akusherstva i zhenskih boleznej*. Journal of obstetrics and women's diseases. – 1889. – V. III. – P. 562. (in Russian)]
26. Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Родовспоможение и культура деторождения в новейшей зарубежной историографии (1975-2015 гг.) // Этнографическое обозрение. – 2017. – №4. – С. 147-163. [Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L. *Jetnograficheskoe obozrenie*. Ethnographic review. – 2017. – N4. – P. 147-163. (in Russian)]
27. Рейдлх А.А. Война и охрана материнства и младенчества. – Петроград: б/и, 1916. – 17 с. [Rejdlih A.A. *Vojna i ohrana materinstva i mladenchestva*. War and the protection of motherhood and infancy. – Petrograd: b/i, 1916. – 17 p. (in Russian)]
28. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5. Вологодская губерния // Е.Л. Мадлевская, Е.Г. Холодная. – СПб.: Деловая полиграфия, 2007. – 840 с. [Russkie krest'jane. Zhizn'. Byt. Nrapy. Vologodskaja gubernija. V5 / red. E.L. Madlevskaja, E.G. Holodnaja. Russian peasant. Life. Gen. Mores / ed. E.L. Madlevskaja, E.G. Holodnaja. – S-Petersburg: Delovaja poligrafija, 2007. – 840 p. (in Russian)]
29. Стефанович-Донцов. Описание о черных рожках, причиняющих корчи и помертвение членах с присовокуплением наблюдения о сухих и трудных родах. – СПб.: тип. Государственной медицинской коллегии. – 1797. – 20 с. [Stefanovich-Doncov. *Opisanie o chernyh rozhhkah, prichinjajushhih korchi i pomertvenie chlenah s prisovokupleniem nabljudenija o suhih i trudnyh rodah*. Description of the black horns. – Saint-Petersburg: tip. Gosudarstvennoj medicinskoj kolegii. – 1797. – 20 p. (in Russian)]
30. Темкина А. Советы гинекологов о контрацепции и планировании беременности в контексте современной биополитики в России // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Т.11, №1. – С. 7-24 [Temkina A. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. Journal of Social Policy Research. – 2013. – V.11, N1. – P. 7-24. (in Russian)]
31. Фуко М. Власть и тело. – М.: Праксис, 2002. – 320 с. [Fuko M. *Vlast' i telo*. Power and body. – Moscow: Praksis, 2002. – 320 p. (in Russian)]
32. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Науки криминального цикла. – 2019. – №1. – С. 83-97. [Hatuev V.B. *Nauki kriminal'nogo cikla*. Science of the Criminal Cycle. – 2019. – N1. – P. 83-97. (in Russian)]
33. Черномордик-Гинзбург М. К казуистике продыравливая матки самой больной с целью вызвать аборт // Журнал акушерства и женских болезней. – 1894. – №8. – С. 801 [Chernomordik-Ginzburg M. *Zhurnal akusherstva i zhenskih boleznej*. Journal of Obstetrics and Women's Diseases. – 1894. – N8. – P. 801 (in Russian)]
34. Чубинский М.П. Вопрос о выкидыше в современном праве и желательная его постановка // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16-19 декабря 1911 г. в С-Петербурге). Вып. I. /

- ред. А. Редлиха. – СПб.: тип.: Орбита, 1912. – С. 74. [Chubinskij M.P. *Trudy IV sezda obshhestva rossijskih akusherov i ginekologov (16-19 dekabnja 1911 g. v S-Peterburge)* / Pod red. A. Redliha. Proceedings of the IV Congress of the society of Russian obstetricians and gynecologists / Ed. A. Redliha. V.1. – S-Petersburg: tip. Orbita, 1912. – P. 74. (in Russian)]
35. Якобсон В.Л. Современной выкидыш с общественной и медицинской точки зрения // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16-19 декабря 1911 г. в С-Петербурге). Вып I. / ред. А. Редлиха. – СПб.: тип.: Орбита, 1912. – С. 4. [Jakobson V.L. *Trudy IV sezda obshhestva rossijskih akusherov i ginekologov (16-19 dekabnja 1911 g. v S-Peterburge)* / Pod red. A. Redliha. Proceedings of the IV Congress of the society of Russian obstetricians and gynecologists / Ed. A. Redliha. VI. – Saint-Petersburg: tip. Orbita, 1912. – P. 4. (in Russian)]
36. Rabinow P., Rose N. Biopower Today // *BioSocieties*. – 2006. – N1. – P. 195-217.

Информация об авторах

Мицюк Наталья Александровна – доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук ФГБОУ ВО «Смоленский государственный медицинский университет» Минздрава России. E-mail: Mitsyuk.N@yandex.ru

Пушкарёва Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. E-mail: pushkarev@mail.ru